

Андрей
Курков

ЛЬВОВСКАЯ
ГАСТРОЛЬ
Джимми
ХЕНДРИКСА

Роман

Харьков
«Фолио»
2012

Глава 1

Походка почти всегда выдает возраст идущего. Человек, пока мал, ходит смеющейся, любопытной походкой. Он то и дело на ходу на цыпочки поднимается, чтобы что-нибудь скрытое для его роста увидеть. Никто обычно не против, пока вертикальный рост человечка не увеличится до полутора метров. После этого кратковременно походка становится слегка хулиганистой и надменной или, наоборот, приутюженной, с едва заметным наклоном вперед. Это уже, конечно, далеко не всем нравится, да и опасения у прохожих вызывает: мало ли что человек с такой походкой вытворить может?! Ну а дальше — у кого как. Кто лет двадцать ходит прямо, кто немного боком — это уже от жизненной позиции и уровня страха зависит. Однако данное правило действует только в светлое время суток. Ночью же можно ходить, отрешась от своей дневной походки и от возраста. Ночь раскрепощает. Особенно ночь с семнадцатого на восемнадцатое сентября.

Звуки шагов в эту сентябрьскую ночь 2011 года доносились и с Грушевского, и с Зеленой, и с Федорова, и с Замарстиновской, и со стороны Стрыйского парка, на деревьях которого издавна ночуют тучи тучных ворон, отседающихся днем на городской свалке у села Грибовичи.

Это были «сольные» шаги отдельно идущих людей, никогда, даже в присно-советские времена, не умевших ша-

гать строем. Попытайся какой-нибудь мальчишка-барабанщик упорядочить их шаг, сразу получил бы он «легкие телесные повреждения». На «тяжелые телесные повреждения» эти люди были положительно не способны. Даже если узнавали, что «мальчиком-барабанщиком», только уже в другом, не буквальном смысле, оказывался кто-нибудь из недавно принятых в их узкий круг. Узкий круг, впрочем, только недавно стал действительно узким. Раньше, лет двадцать пять — тридцать назад, он еще превышал полсотни людей, а в середине каждого сентября — значительно увеличивался, дополняясь приезжавшими автостопом, поездами и просто приходившими пешком единомышленниками и единокровниками.

Мимо монастыря Святого Альфонса провинции Чина наисвятейшего Избавителя шаги идущего прозвучали немного нервно. Было слышно, что идущий спешит. Улица Замарстиновская, по которой спешил идущий, могла бы когда-то дотянуться своей кирпичной рукой и до Брюховичей, но почему-то не сделала этого. Ее длине до сих пор могут позавидовать парижские бульвары, а если бы ее порезать на равные куски и переставить эти куски улицы правильно пересекающимися линиями перпендикулярно друг к другу, то вышел бы полноценный немецкий райцентр со славной историей. Ведь на ней, на Замарстиновской, чего только не было за ее длинную и всё еще продолжающуюся жизнь. Улицы живут долго, переживая людей, их населяющих, поколение за поколением. На Замарстиновской всегда много молились, производили и пили водку и ликеры, в фильмобазе областной конторы кинопроката хранили фильмы и тут же их показывали в кинотеатре имени Шевченко, учили садить сады и выращивать овощи, учили водить автомобили и даже лечили больных и раненых милиционеров.

Впрочем, лечат их на этой улице до сих пор. И лечат, и отпевают в прибольничной часовне тех, кого не смогли вернуть в «строй». Всё должно быть по правилам, и всякое движение должно обладать признаком будущей законченности, как всякое предложение, сколько бы в нем ни было запятых, обязано заканчиваться точкой, многоточием или более эмоциональным знаком препинания.

Идущий, который прожил в самом конце этой улицы свою не бедную событиями жизнь, всегда носил Замарстиновскую с собой. Он ее чувствовал, как хороший водитель чувствует, не обращая на это сознательного внимания, габариты своей машины, заранее зная, в какую брामу¹ она въедет, а в какую — нет.

Лицо идущего было заслонено от неба широкополой кожаной шляпой коричневого цвета. Из-под шляпы на плечи опускались длинные волосы с проседью. Все остальные детали можно бы и опустить. Разве что высокие, с виду военные ботинки, жестко зашнурованные, отечественные, надежной пешеходной модели, именуемой в последние 50 лет «говнодавы». Китайцы так и не научились делать эту модель. Им кажется, что на ее производство идет слишком много резины особой твердости и особого качества и слишком много грубой кожи. Последним оплотом производства «говнодавов» пока остаются Беларусь и Приднестровье. Но и во Львове остались еще умельцы, которые не только способны вручную цыганской иглой проколоть кусок толстой свиной кожи, но и так скрепить верхнюю часть ботинка с нижней, как не удалось Советской армии скрепить в 1939-м Западную Украину с Восточной. Да и по звуку шагов хороший сапожник всегда поймет: сфальшивил производитель или же по совести обувь смастерил. Ведь обе по-

---

¹ Имеется в виду арка.

дошвы должны звучать в унисон. И во Львове, в городе тонкой звуковой культуры, это особенно важно. Нельзя, чтобы левый каблук стучал по бульжнику, как левый, а правый — как правый! Они должны звучать, как пара. Как влюбленная в дорогу пара.

У идущего в кармане зазвонил мобильник.

— Алик, ты далеко? — поинтересовался голос старинного друга.

— Мы же не немцы, нам спешить некуда, — ответил идущий. — А ты где?

— На Лычаковской.

— Понял, — сказал Алик. — Скоро буду.

Когда Алик подошел к закрытым воротам Лычаковского кладбища, из-под растущих рядом деревьев выступили человек десять. Вышли неспешно, обступили его, достававшего из кармана ключ от воротного замка.

Ключ уже шмыгнул в скважину к поворотному механизму, когда за спинами собравшихся, резанув слух, прозвучали «непарные» шаги. Алик тоже оглянулся и увидел двухметрового немного сутулого человека. Его длинные русые волосы как бы говорили: «Я — свой».

— *Labas vakarus*¹, — негромко вымолвил он.

— Аудрюс?! — удивился вслух Алик, проведя по говорившему глазами и остановив взгляд на его остроносых и тонкоподошвенных туфлях. — На поезде?

— Да, через Киев, — кивнул тот.

Замершие на минутку люди ожили, стали подходить к Аудрюсу, обниматься. Алик обнял его последним.

— Давно тебя не было, — сказал.

Потом обернулся к воротам, провернул ключ, и стальная дуга навесного замка выскочила из паза.

---

¹ Добрый вечер. (*Лат.*)

По кладбищу шли молча. Поднявшись на холм, приостановились, осмотрелись. Алик призывающе махнул рукой и повел остальных за собой следом меж могилки и оградки. Стал у железного креста, словно специально спрятавшегося от посторонних захоронений за стволом старого дерева и двумя разросшимися кустами. Оградки тут не было. Длинноволосая немолодая кампания столпилась вокруг неприметной могилки. На ржавой табличке, приваренной к самой крестовине, невозможно было прочитать ни имени, ни фамилии покойного. Один из пришедших опустил на корточки перед крестом, уткнулся коленями в край могильной насыпи и достал из кармана куртки пакетик. Развернул. Выложил на всё еще зеленую траву баночку с белой краской. В руках появилась кисточка.

Твердая рука вывела на табличке белыми масляными буквами: «Jimmy Hendrix¹ 1942—1970».

В безветренной тишине кладбища вдруг хрустнула ветка. Где-то совсем рядом. Алик напрягся, вслушиваясь. Остальные затаили дыхание.

Хруст повторился. Послышались немного суетливые шаги человека. Зашуршали жалобно опавшие листья под его ногами.

«Сторож?!» — подумал Алик.

Той же дорогой, между могилками и оградками, к ним приближался невысокий не длинноволосый мужчина в кепке. Обычный чужой. Собравшиеся у могилы смотрели на его приближение безразлично. Любопытство — удел юных, а собравшимся было уже за пятьдесят.

---

¹ *Джими Хендрикс* (полное имя Джеймс Маршалл Хендрикс) — американский гитарист, певец и композитор. В 2009 г. журнал *Time* назвал его величайшим гитаристом всех времен. Широко признан как один из наиболее смелых и изобретательных виртуозов в истории рока.

— Прошу прощения за вторжение, — отчетливо, как теледиктор, произнес незваный гость, остановившись для разговора на вежливом расстоянии. — Я давно хотел... Хотел поговорить...

— Говорите, — спокойным голосом разрешил ему Алик.

— Вы меня не узнаете? — спросил мужчина и снял с головы кепку.

Лицо пришедшего, несмотря на ночное время, было достаточно освещено неполноправной, урезанной луной. Однако лицо это, хоть и освещенное, ни о чем Алику не говорило. Обычное лицо, каких мир наштамповал миллиарды: уши, нос, глаза, всё словно по единому ГОСТу, без брака, без запоминающейся или бросающейся в глаза ущербинки.

Алик отрицательно мотнул головой.

— Ну как же, — голос короткоостриженного наполнился обидой. — Мы были близки. Против вашей воли, конечно. Я — капитан КГБ Рябцев.

— Ой, — вырвалось у Алика, и он прищурился, всё еще глядя в лицо неожиданному собеседнику. — А здесь что вы делаете, капитан? Вы теперь, должно быть, капитан в отставке?

— Капитан запаса, — поправил Алика Рябцев. — Хотя это то же самое... Я извиниться хотел... И кое-что сказать.

— Ну, извиняйтесь! — пожал плечами Алик. — Только побыстрее. Мы ведь тут не вас послушать собрались, — и он кивнул на железный крест со свежей белой надписью.

Капитан надел кепку, кашлянул, словно прочищая горло.

— В общем, извините, ребята! И меня, и Мезенцева. Я недавно его похоронил... рак мочевого пузыря... Он тоже был за вас в ответе...

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	46
Глава 8	58
Глава 9	64
Глава 10	69
Глава 11	75
Глава 12	79
Глава 13	88
Глава 14	96
Глава 15	100
Глава 16	106
Глава 17	111
Глава 18	117
Глава 19	122
Глава 20	133
Глава 21	139
Глава 22	152
Глава 23	162
Глава 24	170

Глава 25	181
Глава 26	190
Глава 27	203
Глава 28	215
Глава 29	222
Глава 30	229
Глава 31	241
Глава 32	245
Глава 33	252
Глава 34	271
Глава 35	276
Глава 36	285
Глава 37	291
Глава 38	301
Глава 39	310
Глава 40	317
Глава 41	324
Глава 42	331
Глава 43	336
Глава 44	343
Глава 45	353
Глава 46	358
Глава 47	362
Глава 48	367
Глава 49	373
Глава 50	377
Глава 51	385
Глава 52	396
Глава 53	401
Глава 54	407
Глава 55	416
Глава 56	431
Эпилог	439